

НОВОГО ВЕКА

Ольга Трофимова

ти, литература чуда, особое отношение к страшному.

Сайт «Бастиона»: www.voldub-bastion.ru/bastion/credo.htm

Концептуальные сборники: «Империя. Сделай сам» (2001); «Традиция. Сила постоянства» (2004); «Христианство и фантастическая литература» (2004); «Реконкиста. Новая почва» (2005).

Литературные сборники: «Сакральная фантастика» (5 выпусков); «Том с привидениями» (М., 2005).

4

Третья литературная группировка, заслуживающая отдельного разговора, называется с вопиющей роскошью «Клубом русских харизматических писателей».

Как и большинство глобальных и судьбоносных начинаний, Клуб возник совершенно спонтанно. Однажды во время конгресса фантастов «Странник-2002» Игорь Алимов, Олег Дивов и Маша Звездечка собрались в известном питерском пивном ресторане и, беседуя о судьбах культуры за кружкой платинового непроцеженного, вдруг почувствовали, что Клуб — родился. «Тогда, правда, никто об этом не сказал ни полслова, но ведь

Александр Секацкий

харизму-то не спрячешь, харизма — она, знаете ли, материя тонкая и запросто может взаимодействовать с другой харизмой на невербальном уровне, и будущие отцы-основатели так поглядели друг на друга, а присутствовавший при этом Алан Кубатиев, тоже человек недюжинной харизмы, понимающе блеснул стеклами очков и нас молчаливо благословил, за что ему спасибо», — рассказывает Игорь Алимов.

Отцами-основателями ста-

ли Игорь Алимов, Юрий Бурносов и Олег Дивов.

1 октября 2002 года был открыт клубный сайт, на главной странице которого было заявлено следующее:

«Клуб русских харизматических писателей — закрытый клуб, созданный за кружкой пива группой считающих себя русскими писателями, обладающих подлинной харизмой, с целью поделиться указанной харизмой с широкими читающими массами». Харизматики сообщили миру и городу, что они «ни против кого не дружат и оттого неустанно заботятся о приумножении числа харизматических писателей, с каковой целью тщательно блюдут харизматическую чистоту». Последствия этого заявления были устрашающими: в 2003 году Олег Дивов из Клуба вышел, но тут же туда вошли Александр Бачило, Владимир Березин, Евгений Прошкин, Алан Кубатиев, Василий Мидянин, Андрей Плеханов, Кирилл Бенедиктов, Михаил Бабкин, Игорь Пронин, и чуть позднее — Олег Овчинников и Никита Красников.

Дважды в год Клуб собирался в известном пивном ресторане, и результатом этих собраний стал «Манифест гре-

баных эстетов», написанный Машей Звездечкой в конце 2004 года (опубликован в 2005 году).

В отличие от новых фундаменталистов и от бастионцев, харизматики политических лозунгов не выдвигают. Вся их политика — эстетика, все их движение — к языковому перфекционизму.

Новые фундаменталисты владеют Санкцией, выданной им Объединенным Петербургским Могуществом. Харизматики самочинно оккупируют территорию дара, продвигая единственно приемлемую для себя эстетику на торных дорогах массовой литературы.

Харизматики держат в уме, что искусство никому ничего не должно, оно существует единственно для себя самого, в себе одном ищет оправдания, себя только воспитует и совершенствует. «Вся красота, все священное значение русского слова в том, что оно всегда будет орудием творения, как бы ни пытались его свести к презренной пользе. В обезбоженном веке только эстетика может стать новой этикой, которая позволит человечеству не только выжить и пережить, но и остаться живым. Эстетика — как стремление к совершен-

Игорь Алимов

ству» (цитата из «Манифеста»). И потому Клуб русских харизматических писателей исповедует категорический эстетический императив. И потому харизматики более прочего озабочены проблемой стилистики. «Стиль — это человек», и иначе не бывает. Даже в массовой литературе стилистическая серость неприемлема.

Однако слово «русские» в названии Клуба тоже не случайно: в книгах харизматиков продолжается национальная литературная традиция. И в

этом сходятся и харизматики, и бастионцы, и фундаменталисты — в сохранении и развитии лучшего в русской словесности, в каком бы жанровом узилище или, напротив, на какой бы свободной литературной территории это ни происходило.

Сайт «Клуба русских харизматических писателей»: www.harizma.pvost.org

Сборники: «Новые легенды» (2004), «Новые легенды-2005» (2005).

5

Разумеется, в одной статье даже о самых заметных литературных группировках нового времени не получится сказать много. Тем более не получится рассказать обо всех объединениях и движениях (в первую очередь среди поэтов), которые образуют современный художественный процесс. Важно другое: в русской словесности снова есть необходимый литературный быт, сплотившийся появлению все новых и новых литературных группировок. А значит, литература на подъеме, и не за горными вершинами удивительных книг, которыми будут зачитываться читатели наступившего нового века.

Немонументальный Хвост

Кира Сагир

30 ноября исполнился год со дня преждевременной и неожиданной кончины Алексея Хвостенко, художника, барда, поэта, которому 14 ноября этого года должно было исполниться 65 лет. В память о двух этих грустных годовщинах его друзья и близкие собирались в Москве, в Центральном доме художника, а в Питере пришли в Музей Анны Ахматовой, что в Фонтанном доме...

Когда же появится музей столпа русского андеграунда — Хвоста? И появится ли? И вообще, нужен ли он?

Казалось, что в эти черные ноябрьские дни дух поэта метался «между столицами», вдоль набережных Москвы-реки и Невы, бился у подъездов, глухо запахнувших от осеннего ветра, у резных чугунных ворот Фонтанного дома с окнами, залитыми осенним дождем. Напротив, через Фонтанку, безмолвствовали плотные темные амприрные особняки.

...В залах Ахматовского музея, гускло освещенных желтыми лампочками, — людно. На стенах картины и ассамбляжи Хвоста. Здесь же его скульптуры из подобранных на свалках железа и дерева, обрванных гитарных струн — «из ничего», что примелькались в выморочных сквотах, где Хвостенко бывовал на протяжении почти трех десятилетий, мало-помалу становясь парижской легендой. Многие из всего этого должно было экспонироваться год назад в Москве.

На стенах размещен архив: любительские фотокарточки и фотосюита друга и компатриота — питерского парижанина Валентина-Марии Тилиа. Здесь же черновики, наброски, по-

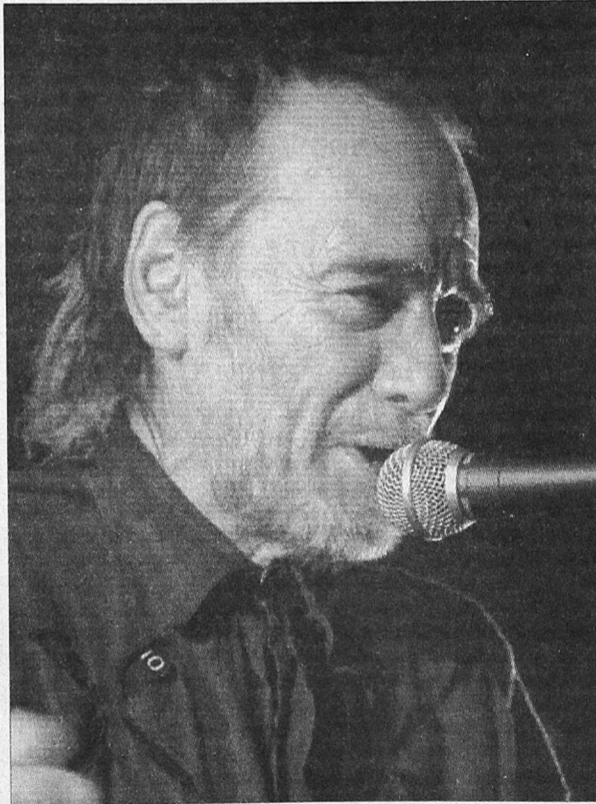
черкушки, самиздатские сборнички, машинописные листки. В чинном музейном питерском антураже все эти творения, все трогательные свидетельства смотрятся вторженцами, не у места, не у дела, не ко времени. Впрочем, на стенды, картины и скульптуры мало кто обращает внимание. Публика — полумолодые дамы в черном, слегка озябнув, спешат согреться стопкой водки из алюминиевых чайников, пришедших в XXI век прямиком из послевоенных коммуналочек. Водку дамам шедрой рукой галантно наливают в пластмассовые стопки потрепанные бородачи в поношенных джинсах и джемперах стиля «sixties».

У микрофона пестро одетая корреспондентка радио «Свобода» поет знаменитый шансон «Орландина» с хрипотой солистки цыганского хора блоковских времен:

— Г-аде-то, скажиэ-э, мэ-ня ты видэ-эл...

В контрапункт общей бестолковой безвкусице — таинственная дудочка в руке флейтиста Анатолия Герасимова, специально прибывшего из Москвы на вечер памяти. Шиплет струны «молодое поколение» — Анна Хвостенко жалостно и старательно выпевает слова песни отца. Ждут «персону» — Дмитрия Шагина, лидера «Митьков». Мэтр появляется под занавес и лишь на минутку: ему надо срочно вылетать в Белград.

В конце вечера реквием естественным путем перетекает в обычную пьяную «вечеринку под сурдинку». Под ритмичный плеск ладоней на «просцениуме» вдова поэта танцует с новым спутником жизни «смертельное танго», перехо-

Алексей Хвостенко

дящее в похоронный канкан.

...Короче, все происходит, как и должно происходить: звучит музыка, сверкают мужчины красотой, дамы умом и талантом. Здесь нет только одного: самого Хвоста.

Алексей Хвостенко был, в числе прочего, подлинным гением праздника. Раз в году, 14 ноября, в день его рождения, назначалось празднество под названием «Обнимитесь, Скорпионы». Каждый, даже не сведущий в астрологии (есть и такие в наш просвещенный век), знал: в этот день все дру-

зья Хвостенко, в особенности рожденные, как и он, под знаком Скорпиона, собираются пить, есть, читать стихи, танцевать — на чердаках и в заброшенных фабриках, а в последние годы в подвале на парижской «Райской улице» близ Восточного вокзала, в клубе «Симпозион» — детище Хвостенки.

Направляясь туда на «Скорпионий праздник», посетители проходили по двору, узкому, как кишка, замощенному желтой плиткой и ромбами толстого матового стекла.

Сквозь ромбы пробивался вверх свет, слышались удары не то бубна, не то барабана, смех и тот кашель, который непременно предваряет начало любого действия. Гостей встречал сам «хозяин бала» с дзеновской кацавейке, поверх которой болталось ожерелье из самоцветов вперемежку с шариками из некоей прессованной субстанции. (Шутники поговаривали, будто это сердца девушек и женщин, иссохшие от страсти к нему.)

Конечно, в эпицентре всего был сам он — со своей «кифарой», со своими песнями, стихами. Эти песни, эти стихи, странные, изящные, со сдвигами смысла, полны дружеских намеков на уходящую от нас быльем поросшую быль.

«Песни Хвоста, Алеши Хвостенко, в меру эзотеричны, ироничны, — писал Генрих Сагир о собрате. — Причем я заметил одну особенность: каждый чувствует свою посвященность, причастность к тому особому кругу, который понимает эти песни. И наслаждается: вот, мол, мы какие! Я бы сказал так: в поэзии Хвостенко предстает в чистом виде, сам по себе...»

Когда уйдет последний из друзей Хвостенко, его стилистика, вся эта поэзия — фантастический рассказ о странном бытии — уже не будут внятны и нужны практически никому, разве что историкам-литературоведам. Без «эффекта присутствия», без обаяния, без харизмы этой исключительной личности нет и не может быть никакой магии. Ибо что ушло — ушло.

Поскольку пришла пора сказать: ничего уже теперь не вернешь, тема исчерпана и

окончен спектакль. И вообще, зачем вечно что-то вспоминать, что-нибудь справлять, отмечать? В современной России, а до того в СССР существовала и существует подлинная мания годовщин. И это даже не сентиментальность, даже не романтика, а просто казенщина, привычка, причем привычка на самом деле не безобидная. Вспомним, как в Советском Союзе к какой-то «красной годовщине» во что бы то ни стало приурочивали халтурное завершение очередной «великой стройки» либо производили скоропалительный запуск в космос, оборачивавшийся гибелью людей.

...К концу жизни Хвостенко, «небожителя подвала», вынесло оттуда вверх так вертикально-стремительно, что порой кажется, что именно слава и глупила его, на манер кессонной болезни. Тогда, в дни этой смерти, великий плач по Хвосту стоял на всех пяти континентах. А год спустя на неуютных посиделках «пост-мортем» в Музее Ахматовой, невзирая на водку, гитары, даже «танго главной вдовы», что-то не срабатывало. Всем было грустно — но не так, как надо, и не как должно было быть.

И вдвойне грустно наблюдать, как поклонники и друзья, полные благих намерений, изо всех сил пытаются, рассудку вопреки, превратить Хвостенко с его идеальным вкусом, с его абсолютным слухом на всякую фальшь в музейный картонный экспонат. Хочу надеяться, что этого все же не случится.

Ведь «Монументальный Хвост» — невольный оксюморон.